

Пока Лянь Цзяньюэ с остальными спешили в Каменную деревню, Цюй Цзючуань без умолку обрывал телефон А-Мина — курьера, который регулярно возил посылки между деревней и Бэйсянем. Дозвониться удалось лишь тогда, когда их поезд наконец прибыл на вокзал. Стоило А-Мину взять трубку, как Цзючуань сразу же засыпал его вопросами о судьбе тех трех недоставленных отправок.

А-Мин в это время находился в распределительном центре новой зоны развития Бэйсяня, как раз грузя возвращенные коробки в машину. Фэн Сюэцзюй, услышав об этом, нахмурился:

— Пусть ждет там. Скинь его адрес, мы перехватим его прямо на станции.

Однако А-Мин, узнав, что они только-только сошли с поезда на вокзале, заартачился:

— Да вы до меня минут сорок тащиться будете! А мне заказы развозить надо. Пока вы доедете, все сроки выйдут. Не дергайтесь, к вечеру сам все привезу в вашу Каменную деревню.

— Дружище, дороги свободные, мы и за двадцать минут долетим, — заискивающе заговорил Цзючуань, пытаясь урезонить курьера. — Мы накинем сверху за ожидание, честное слово. Дело действительно срочное. Поможешь?

— Да при чем тут деньги? — отрезал А-Мин. — Тут вопрос репутации. Я людям обещал быть вовремя, договоры у меня. Сорвать доставку из-за вас не могу.

— А по Вэньмин-лу ты проезжать не будешь? Может, там пересечемся?

— Да какая Вэньмин-лу! Вы на юге, я на север еду. Разминемся. Не переживайте вы так, посылки ваши в целости и сохранности, никуда не денутся.

А-Мин повесил трубку. Сколько Цзючуань ни пытался перезвонить, наткнулся лишь на короткие гудки.

— Эх, работа у парня тоже не сахар, — пробормотал Цзючуань, озадаченно почесывая затылок. — Если из-за нас его оштрафуют или жалобу накатают, нехорошо выйдет. Ладно, поедem сразу к развилке перед деревней. Он по дороге все равно будет тормозить у каждого столба, так что мы на машине обгоним его и перехватим прямо у въезда.

Решили так и поступить. Цзючуань махнул рукой у обочины, ловя попутку. Назвали водителю конечную точку: Склон Красавиц.

В Бэйсяне с утра стояла чудесная погода — вовсю светило солнце, ласкал теплый ветерок. Но

стоило им сесть в такси, как горизонт затянуло тяжелым свинцовым маревом. Тучи напоздали стремительно, грозя скорым ливнем. Цзючуань, прильнув к стеклу, нервно сжимал в руке телефон и то и дело поглядывал на небо.

— Что-то мне не по себе, — со вздохом обратился он к Лянь Цзяньюэ. — Предчувствие какое-то паршивое. Гляди, как небо потемнело. Будто тучи город раздавить хотят.

Сюэнь с переднего сиденья бросил через плечо:

— В прогнозе обещали дождь.

— Да ладно тебе! — Цзючуань нетерпеливо хлопнул по спинке его кресла. — Еще полчаса назад небо было чистым. Нам в поезде твердили, что в Бэйсяне сегодня ни облачка.

Цзяньюэ тоже перевел взгляд на окно. Солнце окончательно скрылось за плотной черной пеленой. Окрестности Бэйсяня словно накрыл гигантский купол — мрачный, душный и давящий. Сердце сжалось от дурного предчувствия. Неужели эта поездка действительно станет для них дорогой в один конец, как пророчил Сюэнь?

Охваченный тревогой, Цзяньюэ попросил у попутчика телефон и набрал номер Бянь Шичжэнь. На этот раз старшая шицзе ответила почти сразу. Обменявшись с ней парой дежурных фраз, он попросил:

— Шицзе, будь добра, позови к телефону учителя.

— Подожди немного, отец внизу завтракает, я сейчас его позову, — отозвалась Шичжэнь. — Послушай, А-Юэ, а что случилось у тебя дома? Матушка сказала, ты сорвался посреди ночи, даже вещи и телефон забыл.

— Возникли срочные дела, — уклончиво ответил Цзяньюэ. — Я сам пока толком не разобрался, еще даже до деревни не добрался.

Шицзе коротко уткнула и неожиданно спросила:

— А-Юэ, а ты ведь никогда не бывал в Янчжоу?

— Не довелось, — припомнил он. — В студенческие годы собирались всем классом поехать туда на весеннюю прогулку, но мастер не пустил. Сказал, весной там летает слишком много тополиного пуха, а при моем слабом здоровье это опасно. Так я и остался дома.

Шицзе негромко рассмеялась:

— Вот как? Отец всегда о тебе пекся больше всех.

— Учитель обо всех нас заботится, — поспешил возразить Цзяньюэ. — Даже когда он уезжал в Ханчжоу, всегда помнил о тебе, шицзе. Постоянно выбирал подарки, присылал в горы разные сладости и забавные безделушки.

Шицзе снова мягко рассмеялась:

— Янчжоу — чудесный город. Когда закончишь с домашними делами, не спеши возвращаться. Попутешествуй по стране, посмотри мир. Ты ведь уже взрослый, мастерство твое окрепло, пора и честь знать — отец больше не станет опекать тебя как ребенка. Не находишь?

Цзяньюэ молча тербил край куртки. Шицзе тем временем продолжала:

— А если бы мы предложили тебе перебраться в Янчжоу насовсем? Помогал бы нам обучать новичков, продвигать ремесло клана Бянь. Что скажешь?

Приоткрыв стекло, Цзяньюэ вдохнул тяжелый воздух.

— Как учитель и ты решите, так и будет.

В салон не проникло ни малейшего дуновения прохлады. Температура за бортом будто подскочила сразу на несколько градусов. Но это не была обычная предгрозовая духота — воздух сделался сухим, раскаленным. Цзяньюэ всматривался в нависающие тучи. Это не походило на приближение дождя. Скорее казалось, будто их медленно опускают в жаровню, наполненную тлеющими углями.

Шицзе удовлетворенно хмыкнула:

— Тогда я поговорю с отцом. Нашему поколению нельзя всю жизнь сидеть в глуши. Нужно выходить к людям, передавать великое искусство старого мастера Бянь Жугоу. Иначе все его наследие просто канет в лету. Будет ужасно жаль, правда ведь?

Ее голос отдалился, в динамике зашумело. До Цзяньюэ донесся ее приглушенный призыв:

— Отец, тут А-Юэ звонит.

Через секунду трубку взял Бянь Жугоу. Услышав знакомый голос, Цзяньюэ невольно выпрямился, перехватив телефон поудобнее. Старый мастер заговорил со своей обычной строгой, но искренней заботой:

— А-Юэ, малец, что за спешка? Зачем сорвался посреди ночи?

Юноша крепко сжал ладонь на колене.

— Случилось непредвиденное, учитель.

Немного помедлив, он решился спросить:

— Учитель, вам когда-нибудь доводилось слышать имя У Цзантин?

Старик задумался.

— Хм, нет, никогда не сталкивался. Но забавно: вчера Сяо Толо тоже звонил мне и расспрашивал про этого типа. А еще — про твоего отца, Лянь Уцзэна.

— И что вы ему ответили? — напрягся Цзяньюэ.

— Да скрывать мне нечего, — вздохнул мастер. — Твой отец спас мне жизнь, но виделись мы всего дважды. Первый раз — когда я сорвался в ущелье и он вытащил меня буквально с того света. Второй — когда он привел тебя в Горы Южного Яньдана, прося взять в ученики и вырастить как родного сына.

— Кое-кто утверждает... что он был наемным убийцей.

Старик хмыкнул на том конце провода:

— Доходили и до меня такие слухи. Но подтверждений у меня не было, вот я и не стал забивать тебе голову этой грязью.

— Сяо Толо еще упомянул, — продолжил Бянь Ругоу, — будто учитель Фэн Сювэй, мастер Юй, у которого тот учился в Пекине, трагически погиб. Сгорел заживо. И эта смерть якобы как-то связана с У Цзантином и твоим покойным отцом.

— Именно из-за этого я и спешу в деревню, — признался Цзяньюэ. — Фэн Сювэй сейчас едет со мной. Мы подозреваем, что мастера Юй Дунсюаня сожгли из-за Священной Реликвии. Из-за Священных Реликвий, которые остались после кремации моего отца. Я отправил ему один почтой, и за ним пришел У Цзантин.

В голосе учителя зазвучала неподдельная тревога:

— Речь о тех семи священных реликвиях твоего отца, о которых ты рассказывал?

— Да, о них.

— Тогда какого черта вы забыли в Каменной деревне?

Цзяньюэ вкратце обрисовал план. Выслушав его, старик пришел в неистовство:

— Безумие! Круглые дураки! Вы даже не знаете наверняка, тот ли это поджигатель, и как он выслеживает эти проклятые безделушки! А если вы действительно столкнетесь с ним лицом к лицу? Если этот монстр без труда прикончил мастера Юя, то вас двоих он раздавит как клопов! Быстро говори, где вы сейчас находитесь. С места не двигаться! Ждите меня там. Я выезжаю из Янчжоу сию же минуту!

Сквозь динамик послышалось, как старый мастер уже вовсю гремит посудой и зычным голосом раздает команды Шичжэнь и Синшаню немедленно собирать вещи и заказывать билеты на ближайший поезд до Хэнани.

Цзяньюэ понимал, что не может выполнить это требование. Человек, лишивший жизни Юй Дунсюаня, обладал чудовищной силой. Подставлять под удар своего старого учителя было бы верхом эгоизма. К тому же кашу заварил он сам, а значит, ему ее и расхлебывать.

В груди зашевелилось тяжелое, ледяное предчувствие: этот разговор с названным отцом — последний в его жизни. Слезы подступили к глазам, в горле встал горький ком.

— Учитель... — выдавил он дрожащим голосом, с трудом сдерживая рыдания. — Берегите себя. Прощайте.

Не дожидаясь ответа, он нажал на отбой. Вернув трубку Цзючуаню, юноша откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, погрузившись в тяжелое молчание.

Экран мобильного снова и снова загорался — это названивала обеспокоенная шицзе. Цзяньюэ слабо качнул головой, безмолвно прося не отвечать. Поняв намек, Цзючуань перевел аппарат в беззвучный режим.

Мелькнувший за окном дорожный указатель сообщил, что до Каменной деревни осталось всего десять километров. Цзючуань быстро сверился с геолокацией курьера — А-Мин уже выехал на извилистую серпантинную дорогу и дышал им в затылок.

Склон Красавиц

Спустя десять минут такси притормозило у подножия Склона Красавиц — единственного пути,

ведущего в Каменную деревню. Расплатившись, путники вышли на пыльную обочину. Цзяньюэ устроился на крупном придорожном валуне. Подобрал сухую веточку, он привычным движением заколол длинные волосы на затылке и замер, уставившись в пустоту.

В голове круговертью проносились воспоминания. Вся его тридцатилетняя жизнь уместилась в несколько простых образов: суровые, но справедливые наставления учителя, искренний смех названных братьев, звон молота в кузнице, раскаленные полосы металла и летящие из-под наковальни искры. Он заставлял себя дышать глубже, пытаясь унять внутренний хаос.

«Главное — дожидаться курьера, — сосредоточенно думал Цзяньюэ, унимая дрожь в руках. — Забрать посылки, спрятать три оставшиеся Священные Реликвии в таком месте, где их никто вовек не сыщет. А потом пойти к монаху Ляоцзюэ...»

Но жив ли еще монах? Вдруг таинственный враг уже добрался до него?

Юноша горько усмехнулся про себя, внезапно ощутив глухую обиду на покойного отца. Если бы только Лянь Уцзэн не умер... Если бы его тело после сожжения не оставило эти злосчастные крупы праха... Если бы он не завещал раздать их чужим людям... Мастер Юй Дунсюань был бы жив, а сам Цзяньюэ не сидел бы на обочине, содрогаясь перед лицом неведомого кошмара.

— Слышь, Цзючуань, — Сюэй обмахнулся ладонью и скептически прищурился, кивая на притихшего товарища. — Ты приглядывай за нашим кузнецом. У меня такое чувство, что при встрече с этим монстром он решит устроить какую-нибудь самоубийственную глупость.

Сплюнув под ноги, он в сердцах добавил:

— Да что за чертовщина! Откуда такое пекло?!

Цзючуань взобрался на раскидистое дерево у дороги и, приложив ладонь козырьком ко лбу, принялся всматриваться в изгибы горного тракта. Вдруг он радостно замахал рукой:

— А-Мин! Едет, едет! Смотрите, вон его колымага!

Действительно, из-за поворота показался потрепанный фургончик. Заметив встречающих, водитель дважды нетерпеливо нажал на клаксон и высунул руку из окна, приветственно маша им. За машиной тянулся сизый выхлопной шлейф. В этот же миг небо над их головами окончательно почернело.

— Плохо дело! — внезапно выкрикнул Сюэй.

Одним мощным толчком он взмыл в воздух. С его пояса змеей сорвалась белоснежная плеть — коралловый бич — и со свистом устремилась к приближающемуся фургону.

Цзючуань кубарем скатился с дерева, едва не подвернув ногу.

— Сюэй! Ты с дубу рухнул?! Что ты творишь?!

Цзяньюэ стальной хваткой сжал его плечо:

— Смотри туда!

Коралловый бич хлестнул по кузову автомобиля, уводя его с траектории удара. Фургон занесло, и он с грохотом перевернулся на склон, однако кончик белой плети уже намертво оплел клубящийся сгусток антрацитово-черного дыма, возникший прямо перед капотом.

— Это... это еще что за дрянь? — заикаясь, пролепетал Цзючуань. — Похоже на... силуэт человека...

Темная дымка действительно напоминала парящую в воздухе человеческую фигуру. Сгусток рванулся, сиюсь высвободиться. Сюэй резко повел плечом, затягивая петлю сильнее, однако в следующее мгновение плеть с глухим шлепком упала в дорожную пыль. Черный дым скользнул вверх. Юноша бросился в погоню, не давая врагу передышки. Белая нить в его руках творила чудеса: то сворачивалась арканом, то вытягивалась стальным прутком, то свивала плотную сеть, пытаясь пленить призрака. Но противник ускользал с издевательской легкостью. Стоило кончику бича приблизиться к цели, как дым распадался на невесомые струйки, чтобы через миг вновь срастись воедино. Проиграв эту дуэль, черная туча плавно поднялась к небу и влилась в грозовой фронт.

Все трое застыли, задрав головы. На фоне бескрайней черни проступили очертания исполинского беззубого рта. Громовой, рокошующий бас разорвал тишину:

— Какая мразь посмела помешать мне?!

В вышине бурлили клубы серого пара и угольной пыли. Голос казался осязаемым, он вибрировал в грудной клетке, подавляя волю.

Сюэй в ярости взмахнул оружием, послав звуковую волну в сторону туч, но удар растворился в пустоте, не причинив небесному оку ни малейшего вреда. Глаза юноши налились кровью:

— Ты и есть У Цзантиун?!

Грозовой лик насмешливо выплюнул:

— Допустим. И что с того?

Из поднебесья устремилась гигантская дымная длань. Она казалась невесомой, однако с легкостью консервного ножа сорвала стальную крышу с перевернутого фургона. Коробки с посылками хлынули на обочину. Сювэй среагировал мгновенно: точным ударом он выбил лобовое стекло кабины и, зацепив плетью водителя, рванул его на себя.

— Ловите!

Цзяньюэ и Цзючуань бросились наперерез. Тело курьера рухнуло прямо на них, сбив с ног. Все трое покатались по траве.

— Это же А-Мин! — воскликнул Цзючуань, отплевываясь от пыли.

Курьер был без сознания, по виску струилась кровь, но он дышал.

Цзяньюэ вскочил, оценивая обстановку. Сювэй снова пошел в атаку. Три ослепительные белые вспышки, подобные клинкам света, вспороли воздух, устремляясь к гигантской когтистой кисти, зависшей над дорогой. Дымная лапа даже не шелохнулась. Стоило атаке достичь призрачного запястья, как световые всполохи свились в тугую серебряную цепь, сковавшую пальцы чудовища. Рывок! Дым разорвало в клочья, цепь безжизненно рухнула на землю, но уже через секунду черный туман послушно собрался вновь. Призрачная рука вернула прежнюю форму. В этот момент из разбросанного по дороге груза вылетели три посылочные коробки. Пальцы дымного исполина сжались, и картон разорвало изнутри — три угольно-черные Священные Реликвии взмыли в воздух, притягиваемые невидимым магнитом.

«Неужели этот темный дым притягивает Священные Реликвии, как магнит железо? — пронеслось в голове Лянь Цзяньюэ. — Вот почему он безошибочно отслеживал каждую посылку!»

— Тварь! — истошно закричал Сювэй. — Отдай! У Цзантун, верни жизнь моему учителю!

Белый бич устремился к парящим Священным Реликвиям, силясь перехватить их на лету. Но из поднебесья донесся раскатистый смех:

— Вспомнил! Ты же тот самый сопляк Юй Дунсюаня, который трусил в самый ответственный момент и сбежал!

Слова материализовались: огромная лапа уплотнилась, приняв очертания безликого человеческого силуэта, окутанного клубами гари. У Цзантун лениво протянул конечность и на лету поймал кончик кораллового бича, одновременно пряча три Священные Реликвии в складках своего призрачного тела.

Сювэй побелел как полотно. Цзяньюэ замер от потрясения. Движения плети Фэн Сювэя были столь молниеносны, что обычный глаз замечал лишь размытый след в воздухе, а перехватить

её голыми руками казалось невыносимым. Более того, этот бич работы мастера Бяня был усеян тысячами тончайших, острых как бритва коралловых шипов. Любой смертный ободрал бы плоть до костей, но монстр даже не поморщился. У Цзантина небрежно разжал пальцы, и оружие, послушное чужой воле, с визгом устремилось обратно к хозяину. Оглушительный удар рассек одежду Сюэя, окропив землю кровью, и швырнул юношу навзничь в придорожную грязь.

Внезапный порыв ледяного, гнилостного ветра пронёсся над дорогой, сбивая с ног даже стоявшего поодаль Цзяньюэ.

— Брат Лянь... — донёсся до него слабый, испуганный шепот.

Приподнявшись, он увидел Цзючуаня. Тот сжимал обмякшее тело курьера, укрывшись за огромным обломком скалы. Лицо бедолаги было бледнее мела, а пальцы судорожно впивались в собственное бедро.

— Брат Лянь, я... я не могу пошевелиться!

Цзяньюэ подполз ближе, осматривая его:

— Нога повреждена?

— Нет, — всхлипнул тот, едва не плача. — Мне просто... чертовски страшно!

Цзяньюэ крепко сжал его плечо, но у самого руки ходили ходуном. От тела Цзючуаня веяло могильным холодом. Юноша хотел сказать что-то ободряющее, но страх тисками сжал его собственное горло, выметая из головы любые слова. Он перевёл взгляд на дорогу. Сюэй уже поднялся на ноги и с безумным упорством продолжал стегать безликую тварь, надеясь вернуть отнятое. Но в его ударах больше не было прежней точности — лишь слепая, отчаянная ярость обречённого.

Цзяньюэ рвался вперед, жаждал помочь товарищу, но собственное тело предало его — ноги налились свинцом и наотрез отказались повиноваться.

Неуязвимый враг, бурлящее свинцовыми волнами небо и удушающий, раскаленный воздух вокруг давили с такой силой, что дышать становилось невозможно. Казалось, плоть плавится под этим невидимым гнетом, кровь закипает в жилах, а все существо выгорает дотла.

У Цзантина лениво взмахнул рукой. Коралловый бич вырвался из окровавленных пальцев Сюэя, взмыл в воздух и застыл, натянувшись струной, словно гигантская серебряная игла. Острие нацелилось прямо в грудь юноши.

Стиснув зубы, Цзяньюэ преодолел оцепенение и бросился наперерез, закрывая товарища

собой.

— Лянь Уцзэн — мой отец! — крикнул он в безликую пустоту. — Эти Священные Реликвии — его прах, мое законное наследство! По какому праву ты забираешь их?!

Безликий медленно опустил руку.

— Сын Лянь Уцзэна? Надо же. Не знал, что у этого старого лиса осталось потомство.

Он стоял поодаль, колышущийся силуэт из сажи и тлена. Каждое его движение оставляло в воздухе тягучий черный шлейф. Был ли он вообще человеком? Цзяньюэ колотило в лихорадке, кожа горела. Ему казалось, что сквозь безликую маску дыма на него пристально смотрят невидимые, бездонные очи.

Глаза монаха Ляоцзэ тоже были черны как ночь и лишали воли, скрывая в себе непостижимую бездну. Но взгляд этой твари был иным — он походил на треснувшее зеркало, в котором метались бесчисленные искаженные тени. Они извивались, словно грешники в геенне огненной, источая яд первобытного страха и отчаяния.

— Я его сын... — с трудом выдавил Цзяньюэ через силу. — В семейном реестре все записано... Просто в пять лет он отдал меня на воспитание Бянь Жугоу в Пиньян.

У Цзантун разразился диким, торжествующим хохотом. Запрокинув голову, он одним движением вобрал в себя три сияющие черные Священные Реликвии.

— Сын? Да хоть сам черт! Эти побрякушки принадлежат мне по праву! Осталась последняя. Ха-ха-ха! Ну что, проклятый лысый осел, посмотрим теперь, как ты меня удержишь!

С каждым его раскатистым смешком дымный контур расширялся, края фигуры пошли уродливыми зубцами, а сам он увеличился в размерах чуть ли не вдвое.

Сювэй попытался оттолкнуть Цзяньюэ, чтобы подняться, но тот силой прижал его к земле. Внезапно с неба посыпался огненный дождь из искр. Черные тучи над ними пошли багровыми трещинами, словно раскаленная лава заструилась по венам колоссального чудовища. Фигура У Цзантуна внизу вспыхнула изнутри алым светом, превратившись в кусок раскаленного добела чугуна, только что вынутый из плавильной печи.

Оба юноши замороженно смотрели на это жуткое зрелище. Сювэй едва слышно прошептал:

— Что он... такое...

Цзяньюэ судорожно сглотнул. В этот миг правая конечность монстра неестественно

удлинилась, мертвой хваткой вцепилась в горло Сювэя и вздернула его в воздух. Парень захрипел, отчаянно суча ногами. Цзяньюэ бросился на помощь, пытаясь ухватить его за лодыжки, но из клубящегося праха соткалась дымная нога и наотмашь пнула его в грудь. Раздался сухой хруст — кажется, треснули ребра. Задыхаясь от нестерпимой боли, Цзяньюэ покатился по земле, но, преодолевая слабость, упрямо пополз обратно.

— Слушай меня, щенок Бянь Жугоу, — пророкотал безликий. — Если хочешь, чтобы твой дружок дышал, ступай в деревню. Найди там Храм Разрешения Мирских Уз и заведи у монаха Ляоцзюэ последнюю Священную Реликвию твоего отца. Я знаю, она у него.

— Если ты такой всемогущий, почему сам не заведешь? — прохрипел Цзяньюэ.

— Тебе сказано идти — значит, иди!

В этот момент с небес чистейшим росчерком упал луч серебряного света. У Цзантун резко разжал пальцы, роняя хрипящего Сювэя на землю, обернулся огромным черным ястребом и с резким клекотом взмыл ввысь, растворившись в небе.

Черные тучи мгновенно растаяли, уступив место безжизненному белому мареву. С высоты медленно опускались хлопья серого пепла. Жара спала, дышать стало легче, но солнце так и не показалось, а в застывшем воздухе не чувствовалось ни единого дуновения ветра.

Рокочущий голос врага эхом катился по склонам:

— Даю вам один день! Принесете Священную Реликвию в усадьбу Клана Бянь. И не вздумайте тащить с собой этого плешивого монаха! Стоит ему приблизиться — я тут же узнаю, и тогда усадьба Бянь превратится в братскую могилу! Вы будете собирать их кости по кусочкам!

Цзяньюэ охватило запоздалое раскаяние. Зачем, зачем он упомянул имя своего учителя?! Грудь пронзило острой болью, к горлу подступил соленый ком. Его вырвало сгустком темной, почти черной крови.

Чья-то ладонь мягко коснулась его спины, унимая дрожь. Обернувшись, он увидел монаха Ляоцзюэ. Несмотря на мягкие, исполненные сострадания черты лица, его взгляд оставался отрешенным и неподвижным. Это порождало странное, почти пугающее ощущение, но в то же время дарило необъяснимый покой.

Они молча смотрели друг на друга. Цзяньюэ почувствовал, как боль в сломанных ребрах угасает, сменяясь приятным теплом. Но мысль о том, что мастер Бянь и вся его семья теперь в заложниках, раскаленным гвоздем сидела в голове.

Юноша опустился на колени прямо в дорожную пыль и трижды отвесил монаху земной поклон, ударяясь лбом о каменистую почву:

— Великий мастер! Молю тебя, верни мне ту Священную Реликвию, что я отдал тебе на хранение!

— Отдаст он тебе ее, и что дальше?! — хрипло выкрикнул поднявшийся на ноги Сювэй. — Пойдешь спасать своего учителя? Ты думаешь, это чудовище держит слово?! Думаешь, он отпустит их, когда получит желаемое?!

Глаза Цзяньюэ налились слезами отчаяния и злости:

— Но если я не пойду, он вырежет их всех до единого!

Сювэй зажал ладонью кровоточащую рану на боку и перевел тяжелый взгляд на молчаливого монаха:

— Да кто ты вообще такой? Почему У Цзантун пустился наутек, едва завидев тебя? Чего он так боится? И почему не смеет войти в Каменную деревню?

Вопросы Сювэя заставили Цзяньюэ немного протрезветь. Он тоже с надеждой посмотрел на святого отца:

— Наш враг собирает Священные Реликвии моего отца, чтобы умножить свои силы? Неужели нет никакого способа одолеть его?

Монах молча запустил руку в широкий рукав своей серой рясы и достал две пиалы с чистой водой, протянув их раненому. Цзяньюэ, не раздумывая, осушил свою до дна. Сювэй же помедлил, подозрительно косясь на подношение.

Из своего укрытия за камнем наконец выбежал Цзючуань, таща на плечах раненого курьера.

— Пей, не бойся! — крикнул он Сювэю. — Этот наставник — добрый человек. Он из Храма Разрешения Мирских Уз, тот самый монах Ляоцзюэ.

Заметив новоприбывших, святой отец достал еще две пиалы. Цзючуань с жадностью выпил свою долю и аккуратно напоил бесчувственного А-Мина.

Монах подобрал сухой сучок и принялся неторопливо выводить иероглифы на песчаной обочине. Цзючуань читал вслух по мере того, как из-под ветки рождались слова:

— «Там, где нахожусь я, в радиусе двенадцати ли, У Цзантун не посмеет приблизиться».

Цзючуань хлопнул себя ладонью по лбу:

— Храм ведь как раз посреди деревни стоит! Двенадцать ли — это же аккурат границы нашей Каменной деревни!

Он удивленно воззрился на монаха:

— Но почему?! Как это работает?!

Однако Ляоцюз больше ничего не написал. Он лишь загадочно улыбнулся одними уголками губ.

Цзяньюз сжал пустую пиалу в пальцах:

— Кто же такой этот У Цзантун на самом деле?..

Святой отец поднял правую руку, вытянул мизинец и быстро начертал на земле два иероглифа.

Цзяньюз ахнул:

— Меч Плачущего Дождя?

— Что еще за «Плачущий Дождь»? — нахмурился Сюэй.

— Меч! Древний, священный клинок, — торопливо пояснил Цзючуань. — Мы его в прошлый раз из храма вынесли.

— Откуда в заброшенном буддийском храме взяться боевому оружию? — недоверчиво хмыкнул Сюэй.

Цзючуань смущенно кашлянул:

— Там долгая история... После всего, что мы сегодня пережили, я тебе как-нибудь подробно расскажу.

Цзяньюз не отрывал взгляда от выведенного на земле названия. Его голос упал до шепота:

— Значит, он перестал быть человеком... Обратился в демона? А этот меч — единственное оружие, способное сокрушить нечисть...

Монах едва заметно кивнул. Покопавшись в складках одежды, он извлек последнюю иссиня-черную Священную Реликвию и протянул ее юноше на раскрытой ладони. Цзяньюз замялся,

не решаясь забрать сокровище:

— Ты действительно отдаешь ее мне?

Сювэй резко перехватил руку кузнеца:

— Стой! Если этот ублюдок превратился в демона, а Священные Реликвии твоего отца служат для него источником силы... Что произойдет, когда к нему попадут все семь штук? Кем он станет? Будет ли он тогда бояться этого монаха? И кто остановит чудовище, когда оно решит утопить мир в крови?! Кто ответит за невинные жертвы?!

Цзяньюэ растерянно посмотрел на Ляоцюэ. Сювэй тоже в упор уставился на святого отца:

— Наставник, подумай хорошенько, прежде чем совершить глупость.

Святой отец лишь печально покачал головой. На безмолвный вопрос Сювэя у него не было ответа. Но он мягко взял Цзяньюэ за руку и силой вложил теплую бусину в его ладонь, сжав его пальцы в кулак.

Сювэй сокрушенно вздохнул, утирая пот со лба:

— Судя по словам монаха и по тому, как спешно ретировался наш безликий враг, пока Священная Реликвия находится в границах храма — она под надежной защитой. Если ты заберешь ее, чтобы обменять на жизнь учителя, монах ведь не сможет пойти с тобой. Подумай еще раз. Стоит ли так рисковать?

Цзяньюэ молча перевел взгляд на начертанное имя древнего меча, а затем уверенным движением отправил угольно-черную Священную Реликвию в рот и проглотил её.

Сювэй и Цзючуань ошарашенно вытаращились на него.

— На этом наши пути расходятся, — спокойно произнес Цзяньюэ, поворачиваясь к Цзючуаню.
— Ты и так пострадал из-за меня слишком сильно. Возвращайся домой.

Затем он посмотрел на израненного товарища:

— Сначала заедем в больницу, нужно обработать твои раны.

— К черту больницу! — Сювэй упрямо вскинул подбородок, его взгляд полыхнул ледяной решимостью. — Я еду с тобой в усадьбу Клана Бянь. Я обязан отомстить за смерть моего учителя. Даже если придется заплатить за это собственной жизнью.

Цзяньюэ понимал, что спорить бесполезно — пламя мести в груди Сюэя не унять никакими доводами. Он лишь коротко кивнул:

— Хорошо. План такой: когда доберемся до усадьбы Клана Бянь, я войду первым. Ты останешься снаружи. Если У Цзантун уже там, я запру за собой двери и постараюсь выиграть время, отвлекая его внимание на себя. Ты знаешь, где находится моя комната. Пробререшься туда и найдешь старый черный клинок. Я сделаю все, чтобы демон не смог быстро извлечь Священную Реликвию из моей плоти. Как только меч будет у тебя — выжди момент и убей эту тварь.

Цзючуань открыл было рот, чтобы возразить, но Сюэй перебил его:

— Не трать слова попусту, парень. Его решение твердо как гранит, теперь и упряжка волов не сдвинет его с места.

Цзючуань горько усмехнулся:

— Братец Фэн, к тебе это относится в той же мере...

Сюэй лишь слабо улыбнулся в ответ. Отворачиваясь, он принялся небрежно стирать рукавом запекшуюся кровь со своей раны, но силы стремительно покидали его. Спустя пару минут его веки отяжелели, и он без сил повалился на траву, мгновенно погрузившись в глубокий, целительный сон.

Цзяньюэ тоже почувствовал, как сознание медленно уплывает. Усталость и боль брали свое. Сквозь зыбкую пелену засыпающего разума он видел лишь безмолвную фигуру монаха Ляоцзюэ, застывшую перед ним в позе созерцания. От этого зрелища на душе стало удивительно легко и покойно.

«Моя жизнь неразрывно связана с кланом Бянь, — подумал он напоследок. — Если суждено погибнуть, то пусть это случится дома. Опавший лист всегда возвращается к корням»

С этой тихой мыслью Цзяньюэ закрыл глаза и уснул глубоким, безмятежным сном.

<http://bllate.org/book/19697/1996239>